

ФАИНА РАНЕВСКАЯ

имя - судьба - легенда

АРЛЕКИН И СКОРБНЫЙ ЭККЛЕЗИАСТ

Фаина Георгиевна Раневская

Арлекин и скорбный Экклезиаст

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10723118

Арлекин и скорбный Экклезиаст. / Раневская, Фаина Георгиевна: АСТ;

Москва; 2017

ISBN 978-5-17-099835-7

Аннотация

Фаина Георгиевна Раневская – великая драматическая актриса со столь же драматической судьбой. Она выделяется в ряду даже самых выдающихся служителей Мельпомены – веселящий публику Арлекин и вместе с тем скорбный, как Экклезиаст, мудрец. Она была уникальной личностью и в искусстве, и в повседневной жизни, занавес над которой приоткрывают фрагменты воспоминаний, представленные в этой книге. Они тоже по-своему незаурядны, благодаря своей афористичности, а также присущей Фаине Георгиевне эмоциональности и тонкому психологизму. Ее дневники и записи позволяют увидеть некоторые тайники души, веселой и печальной одновременно, по-настоящему народной артистки.

Содержание

Предисловие	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Фаина Георгиевна Раневская Арлекин и скорбный Экклезиаст

Предисловие

Удивительный факт: в 1992 году во всемирно известной английской энциклопедии «Кто есть кто» Фаина Георгиевна Раневская указывалась в списке десяти самых выдающихся актрис XX века! И это при том, что в кино она всегда выступала всего лишь «мастером эпизода», да и в театре – вовсе не могла похвастаться обилием ролей. Писатель-юморист Эмиль Кроткий как-то даже ехидно заметил: «Имя её не сходило с афиши, где она неизменно фигурировала в числе „и др.“».

И действительно – большинство ролей вполне может уместиться в эти обидные рамки: «и другие...». По-настоящему «знаковых» театральных ролей – всего две, в Театре имени Моссовета: миссис Сэвидж (спектакль «Странная миссис Сэвидж») и Люси Купер (постановка «Дальше – тишина»). И тем не менее – такое признание таланта! Мало какие со-

ветские «примы» того времени получили вот такую, «мировую» известность!

Да, интригует... Хочется во всём не спеша разобраться... Хотя писать о Раневской – довольно неблагодарное занятие. По поиску «Гугл» в интернете выскакивает свыше 50 призывных обложек книг – с её «непосредственным участием». Из них – полтора десятка развёрнутых и не очень биографий, с рассказами о Великой актрисе и Мыслителе. Издана даже книга неких «стихов-медитаций на мысли Фаины Раневской». (Боже правый – видать, для «совсем продвинутых»). Едва ли есть смысл «соревноваться» со всем этим сонмом культурологов, историков, искусствоведов, да и просто профессиональных «вспоминателей былого». Ведь о Раневской сказано уже просто... «вагон и маленькая тележка»!

Но я, как благодарный зритель и читатель, поклонник таланта Фаины Георгиевны – имею полное право выразить о её творческом пути некоторые собственные ассоциации. Пусть субъективные, вольные (возможно даже – чересчур!) – но уж как есть... Издатель, если посчитает их заслуживающими внимания – вправе обнародовать. Ну, а читатель – соответственно прочитает (или, как минимум – просмотреть наискосок).

Найдёт ли кто для себя что-то новое и полезное? Вопрос на засыпку... Во-первых, что считать «полезным»? Просто пищу для размышлений, строительный материал для создания собственных словесных конструкций – учитываем? А

что насчёт вожделенной «новизны» – так ведь сказано, ещё «во время оно»: «Нет ничего нового под солнцем!»

И правильно сказано! А читая воспоминания и размышления Раневской – как раз и начинаешь поневоле соглашаться со многими «отнюдь не жизнеутверждающими» изречениями многомудрого библейского мудреца Экклезиаста. Возникает стойкое ощущение, что местами Фаина Георгиевна выступает просто как – ни дать, ни взять! – его современная проекция...

«Воспоминания – это богатство старости», – напишет однажды Великая актриса. Так почему бы нам не попробовать поискать что-то интересное в этом богатстве? Аккуратно разворошить его – просто «со стороны», с позиции нейтрального наблюдателя?

* * *

...Когда задаёшь себе вопрос: а с кем можно сравнить Фаину Георгиевну (Деятеля культуры – с большой буквы, а не только «театра и кино»), то как-то и не сразу можешь ответить.

Из актёрской братии многие довольно успешно и громко являли «смежные» таланты. К тому же большинство – остры на язык. Кто-то писал эпиграммы, частушки для театральных капустников, ироничные сказки с элементами сатиры... или афоризмы с назидательной развязкой. Подавля-

ющее большинство артистических деятелей оставило после себя пафосные мемуары, с подробным изложением и обоснованием «высокого штиля» и «себя-самоё» в Искусстве. Оптимистично настроенные поклонники разного рода талантов поговаривают меж собой, что некоторые из ушедших и ныне живущих «звёзд» – даже, вроде как, непосредственно участвовали в отдельных элементах процесса создания столь важной для потомков печатной мемуаристики.

Согласен, у нас много (было и есть... впрочем, всё же больше – «было»!) блистательных комедийных актёров, некоторые из них – «в быту» являли собой разочаровавшихся в жизни философов-одинок, с оригинальным взглядом на Мироздание и социальную миссию искусства...

Но все «добившиеся и признанные», по ощущениям, как-то слишком упорно и цепко придерживались выбранного, «однажды нащупанного» жанра, в коем плотно и удобно укоренялись. На стыках жанров и стилей – видимо, как-то неуютно существовать: не совсем понятно, что конкретно писать в наградных листах, регулярно отправляемых по инстанциям.

А вот Раневская – как-то не особенно вписывается в сплочённые ряды «небожителей от Ея Величества Культуры». Но опять-таки: по субъективным ощущениям. Комическая, буффонадная актриса... и скорбный философ «а-ля Экклезиаст». «Когда я умру, похороните меня и на памятнике напишите: «Умерла от отвращения», – заявляла Фаина Георги-

евна... и когда читаешь её дневники – понимаешь, что просто не можешь в духе Станиславского отрезать: «Не верю!» Скорее, выдавишь: «Увы!»

В её жизни явило себя не только «смешение жанров», но прежде всего – «гремучий сплав мировоззрений», парадоксальный синтез почти что взаимоисключающих мироощущений. Грустное комедиантство, озорной трагизм, хулиганствующее философствование, эпатажное мудрствование...

И если рассматривать это парадоксальное «смешение» – то на ум приходит разве что... Леонид Енгибаров, известный как «грустный клоун с осенью в сердце». Да, сейчас бы его назвали «мим», «эксцентрик» или как-то ещё. Но ведь он манифестировал себя не привычным «артистом оригинального жанра» – не вполне определённого, а потому и представленного на неких нейтральных сценических подмостках. Нет, он выступал именно в цирке (!), причём в роли обычного ковёрного! И зритель не всегда готов увидеть пронзительные лирические интермедии – сама «личина» клоуна подразумевала накатанный односложно-плоский юмор: падения, кривляния, натужное выстраивание смешных рож... да исподтишка – трусливые пинки униформистам...

Но «взрывать» устоявшийся жанр изнутри, превращать его в нечто совсем иное, чуть ли в противоположное – это дорогого стоит! Вот, видимо, именно поэтому бесславные сонмы ушедших лицедеёв манежа начисто забыты зрителями, а клоуна Енгибарова будут помнить ещё очень долго!

А ведь ценителям поэзии хорошо известны и верлибры Енгибарова! Ещё одна грань таланта, которая ждёт своей заслуженной оценки: «Наскучит уют, остынет любовь, и останется только Дорога, и где-то далеко впереди – надежда, что будет любовь, покой... (...) *но* это только мираж, без которого не бывает Дороги!»

Для привычного клоунско-шутовского колпака – несколько неожиданно, не правда ли?

* * *

...Если посмотреть на десяток «золотых киноролей» Раневской (то бишь тех, что крепко въелись в память массовому зрителю), то трудно не заметить в них неприкрытый, практически феерически-буффонадный сарказм! Фаина Георгиевна не переигрывает, не превращает своих лирических героинь в некие «небывальщины», но... живописует их столь эмоционально яростно, что получается нещадный гротеск. И слово «лирическая» – как-то само собой размывается из тщательно вылепленных образов. Зато просятся на язык другие определения: например, «фантасмагорическая» или «убийственно реалистическая» героиня. Из тех, чьё амплуа звучит в просторечии как что-то наподобие «Оборжаться, умереть – не встать!», Фаина Раневская – пожалуй, самая загадочно-грустная клоунесса кинематографа. Вначале трудно сдержать улыбку... а затем – долго не покидает оса-

док некой щемящей горечи.

Большинство её ролей – это «выпавшие» в некую иррациональную завихрённость взбалмошные дамы, плутающие по обычной жизни в собственных системах координат, взятых если и не из туманных снов, то точно «не от мира сего» – а посему вызывающие у зрителей странный спектр эмоций: от доброй снисходительной улыбки... до взрывов гомерического хохота. При этом неоднозначность подачи образа всё равно оставляет некоторое не совсем ожидаемое послевкусие, что трогательно горчит в восприятии и вызывает долгое странно-тягучее недоумение...

Может быть, станет более понятно, почему в воспоминаниях о Раневской не раз встречаем указания на её непримиримо-перманентный конфликт с режиссёром Юрием Завадским. Тут ведь не простое «расхождение характеров»! Думаю, что имело место особое «метафизическое рассогласование», глобальный мировоззренческий конфликт, практически – нестыковка основополагающих внутренних идей о сути и назначении Искусства, как такового. Раневская создана для надрывно-гротескных, «брехтовских» ролей. А Завадский, со своим строгим кондовым академизмом, просто не мог принять таких «забубонных завихрений»! Здесь слово «академизм» – уместнее поставить в кавычки. Не строгий канон и классическая школа, а скорее – набор выверенно-удобных масок... Что явно не для Раневской! Уж чего-чего, а пафосной дури, нагнетания выхолощенного «орфизма»,

картинного заламывания рук под дежурно-бутафорскую горючую слезу – та точно не допускала. Возможно – переболела этим в детстве?

Из дневников Раневской: «Приходил в гости к старшей сестре гимназист – читал ей стихи, флиртовал... *Чтение повергало меня в трепет. Гимназист вращал глазами, взвизгивал, рычал тигром, топал ногами, рвал на себе волосы, ломая руки. Стихи назывались «Белое покрывало».* Кончалось чтение словами: «...так могла солгать лишь мать» (...) Гимназист зарыдал, я была в экстазе... Теперь, к концу моей жизни, я не выношу актёров-«игральщиков».

Фаина Раневская никогда не являлась «игральщиком». Но она – также и не классическая актриса, не правильный «деятель культуры», в привычном понимании. Она – скорее хулиганствующий субъект, беззлобно плюющий на все сложившиеся авторитеты и устоявшиеся унылые правила. Кроме тех, что ею приняты... и затем выстраданы на сценических подмостках и под светом киносфитов. Сыгранные ею персонажи – сама непосредственность... и в то же время – непредсказуемость. А к этому, до кучи – олицетворение определённой «чуждости» этому миру, нарочитое (где-то даже – капризное) неприятие навязанных строгих схем, бунт против них посредством наивной и незамутнённой детской «искристости».

Думаю, именно с этого фокуса исследовательского взгляда и возможно вплотную приблизиться к «прочувствова-

нию» ещё одного пласта особенного таланта Раневской – её цветастых афоризмов, что ныне известны широким массам «потребителей культуры», (пожалуй – гораздо больше, чем старые добрые фильмы с участием Великой Актрисы... а уж тем более – театральные постановки).

Да, Раневская – признанный, непререкаемый «мастер эпизода». И могла играючи из куцей рольки вытянуть «столько всего», подать любой незамысловатый короткий эпизод с такой творческой экспрессией, что начисто затмевала напыщенных красавиц – главных героинь, вкупе с их правильными, прилизанными героями.

Но только... фильмы эти – уже давно стали триумфальным достоянием пыльных полок Госфильмофонда. Да от случая к случаю, сугубо под настроение – туманным объектом ностальгических вздохов бабушек, кучкующихся на свежевыкрашенных лавочках у обшарпанных подъездов. Увы, время неумолимо: новое поколение лелеет и взращивает в сознании своих собственных кумиров.

А прославленные фильмы из «давно минувших дней», с блистательной игрой актёров «старой школы» – как-то негласно претерпели высылку на периферию культурного процесса, куда-то за видимый горизонт «актуальных информационных поводов». Да, можно скачать в интернете, где-то – чем чёрт не шутит! – ещё застряли в продаже нераспроданные легальные дисковые копии, выпущенные ещё в прошлой или позапрошлой «культурной пятилетке». Но...

сколько реальных показов, зрительских просмотров? Боюсь, что даже сама цифра уже мало кого волнует. И действительно: не блокбастер же! Кто хотел – уже раз по пять пересмотрел, умилился, вспомнил молодость. Кому не довелось, но вдруг резко прихотелось – пусть ищет ближайший сеанс в кинотеатре «Иллюзион»: как раз на «раз в полгода» можно твёрдо рассчитывать!

* * *

Зато вот афоризмы, искромётные «жизненные фразы» Раневской – неизменно затребованы! Уверен, что едва ли найдётся в России человек, кто бы их не слышал, кто бы не восхитился хоть раз их непривычной неординарностью да яркой красочной лаконичностью! (*«Животных, которых мало, занесли в Красную книгу, а которых много – в Книгу о вкусной и здоровой пище»* – это тоже она!) Хотя зачастую афоризмы Фаины Раневской приводятся без авторства, как некий «впитавший суровую мудрость народа» фольклор.

При этом Актриса хорошо известна и своими «крепкими словцами» – сказанными «ёмко, к месту и по делу». Недавно в интернете даже стал распространяться любопытный текст: «Лучшие ругательства от Раневской – на все случаи жизни» (видимо, чтобы благодарный обыватель знал, кому обязан многим «цветастым» языковым конструкциям).

Но справедливости ради стоит признать, что гораздо бо-

лее широко известны именно саркастические цитаты «от Фаины Раневской», выполненные на уровне «лингвистического фола». Кстати, нарочитая грубость и даже обценная лексика – это ещё одна фирменная «примочка» актрисы Раневской. И так же, как в некоторых «неприличных анекдотах» просто невозможно заменить привычный «трехэтажный» на стыдливые эрзац-эвфемизмы (вся смысловая канва сразу же «посыплется», анекдот выйдет пресным и плоским), так же точно и у Раневской. Скажем, её известное упоминание «жопы» (в разных ракурсах!) – ну просто никак не заменить никакими пристойными «ягодицами».

А если проанализировать знаменитую, ставшую уже чуть ли не «классической» максимуму Раневской: «Жизнь – это затяжной прыжок из п... в могилу!», то понимаешь, что «подобное» возможно выразить только так и никак иначе. Да, пусть «бумага не стерпит» – затретирует цензура и самоцензура... Да, пусть ликует и царствует Высокая и ещё более Высочайшая нравственность, гневно отвращающая от низкого и грубого!

Но – увы и ах! – именно такое, неприкрытое и непричёсанное, явно «непечатное» изречение отправится залихватски гулять в народ. И упорно не будет поддаваться никакой облагораживающей редакции!

Причём сам народ, о котором заботливо пекутся гордые носители книжной нравственности, будет состоять в непоколебимой уверенности, что данная нестандартная философ-

ская аксиома – чистейшей воды фольклор: не имеющий конкретного автора, но выстраданный в натруженных недрах коллективного бессознательного «широких масс трудящихся».

А кто знает настоящего автора – тот просто восторгается смелости и бесшабашности созданных словом образов. И с этим ничего не сделаешь: Раневская уверенно выступает в качестве озорного Арлекина, беззлобно-насмешливого персонажа классической итальянской комедии. Что, может, и не совсем «положительный», но явно и не «отрицательный». Зато вызывает широкую симпатию (и как указывается в «Википедии»: «должен вызывать у зрителя сочувствие к его смешным невздам и ребяческим горестям»).

* * *

...Особый разговор – о «грустных», порой даже трагических афоризмах, точнее – своеобразных «мыслях вслух» Фаины Раневской. Прочитал некоторые из них своим знакомым. Никто так и не «опознал» автора. Гадали-рядили: «поздний Шопенгауэр», «готическая школа», «саркастический постмодернизм», «что-то из французских мизантропов». Самый интересный ответ: «Вроде как я это встречал в чьих-то предсуицидальных записках». Оба-на! Приехали! Эпатажная хулиганствующая клоунесса – вдруг неожиданно-негаданно предстаёт пронзительно скорбной философи-

ней, отрицающей привычно оптимистичное отношение к жизни? Ну, а как ещё можно проинтерпретировать такие, к примеру, строки:

«Несчастной я стала в шесть лет. Гувернантка повела меня в приезжий «зверинец». (...) на столе стояло корыто, в нём плавали два крошечных дельфина. Вошли пьяные, шумные оборванцы и стали тыкать в дельфиний глаз, из которого брызнула кровь. Сейчас мне 76 лет. Все 70 лет я этим мучаюсь!»

Кто-то, возможно, скажет: «Рисует... Играет в трагизм, при этом – явно переигрывает!» Я бы с таким заявлением не согласился. Категорически. Возможно, тут действительно необходимо прочесть весь «грустный цикл» размышлений Фаины Георгиевны: о жизни, о судьбе, о человеческом предназначении... И тогда начинаешь понимать – нет, не переигрывает и не «педалирует». Скорее – многое скрывает, недоговаривает... Щадит своего потенциального читателя, слушателя. Поэтому – с помощью особого, «оптимистичного» сарказма – и старается несколько скрасить, «подсластить» горький вселенский трагизм человеческого одиночества. И выдаёт глубоко выстраданную авторскую иллюстрацию к бессмертному «Экклезиасту». Выраженного с полуулыбкой, но – горше. С испытанным до последней капли «томлением духа» в скрипучей карусели «суеты сует».

Раневской хочется сочувствовать... только непонятно: «грустный философ» – это её истинная натура, незыблемое

природное качество или «жизненное амплуа»? Роль, с которой уже свыклась и смирилась? Есть расхожее суждение, что у «увлекающихся профессией» актёров – и не поймёшь: где кончается игра, личина, а где начинается жизнь, личность. Мол, порой они и для себя самих, в отсутствии зрителей, «заигрываются», внедряя «театральные кульбиты» в повседневную жизнь. Кто знает...

Думаю, Актриса всю жизнь прожила «между полюсов», мучительно пытаясь ответить сама себе на многие вопросы. «Жалею, что порвала дневники – там было всё, – писала о себе Раневская. – Почему я так поступила? Скромность или же сатанинская гордыня?»

Такие метания встречаем затем не раз и не два. Она это даже особенно и не скрывала. И даже обыгрывала с присутствующим ей патетическим сарказмом:

Раневскую о чем-то попросили и добавили: «Вы ведь добрый человек, не откажете!» «Во мне два человека, – ответила Фаина Георгиевна. – Добрый не может отказать, а второй – может. Сегодня как раз дежурит второй!»

Отсюда – и совершенно разные воспоминания о Раневской. Одни говорят о ней, как об очень культурной, начитанной особе, вдумчивом собеседнике... Другие – отмахиваются, как от вульгарной тётки с хамскими замашками – что могла сквернословить и скатываться в откровенное хулиганство.

И самое интересное – оба мнения справедливы. Хотя даже

в парадоксальной совокупности – не отражали всей полноты личности Фаины Раневской.

* * *

Раневская выступала прямо-таки «генератором анекдотов». Многие фразы, которые стойко воспринимаются или как анекдоты, или как расхожие народные остроты, – в реальности принадлежат именно её искромётному творчеству.

Ну, например, знаменитое... Коллега по сценическому цеху пафосно изрекает: «Я так обожаю природу!» На что Фаина Георгиевна нарочито детально обсматривает ораторшу и выдаёт недоумённое: «И это после того, что она с тобой сделала?»

«Да, анекдот же!» – так и хочется вскрикнуть в сердцах. Согласен, после Раневской – конечно же, да. Повторено-переповторено, даже использовано в разного рода литературных конструкциях. Но первоисточник, изначальный автор – многими уже, увы, подзабыт.

Или классическое: «Бог создал женщин красивыми, чтобы их могли любить мужчины, и – глупыми, чтобы они могли любить мужчин». Первая реакция – ну, это расхожее утверждение... Чуть ли не к античным временам апеллируют. Сама мысль или что-то близкое к ней, выраженные через многоходовый логический трактат, – возможно. А вот так – наглядно, изящно и лаконично – это уже фирменный стиль

Раневской. И ведь не возразишь, разве что – перефразируешь при случае, придав авторскому размышлению личину абстрактно-народной мудрости.

А вот так просто – оригинальная классификация семейных союзов (по Раневской). Жёстко, хлёстко (к тому же – и не очень-то «толерантно», а потому применимо исключительно для внутрirosсийского пользования). Но мудро... и практически – исчерпывающе. Вполне заменит заунывную тетралогию интеллектуала-романиста:

«Союз глупого мужчины с глупой женщины порождает мать-героиню. Союз глупой женщины и умного мужчины порождает мать-одиночку. Союз умной женщины и глупого мужчины порождает обычную семью. Союз умного мужчины и умной женщины порождает лёгкий флирт».

Философам остаётся только мечтать о подобной наглядности. Что Фаина Георгиевна «вполне себе сносно» могла определить парой ёмких предложений, то для правильного гения и прославленного «философского родоначальника» Иммануила Канта потребовало бы пару обстоятельно-содержательных глав.

* * *

«Семья человеку заменяет всё. Поэтому, прежде чем завести семью, необходимо как следует подумать, что для вас важнее: всё или семья?» — боюсь, что этот риторический

вопрос Раневской не потеряет своей надрывной актуальности во все времена.

И на эту фразу Раневской следует обратить особое внимание. Потому как – не для красного словца сие сказано, а выстрадано, кровью сердца на гладь сознания вымыто.

Почему же, всё-таки, такое жуткое, порой нестерпимое одиночество? Популярность, харизма, узнаваемость на улицах, восторги публики, назойливые поклонники... и горькое чувство покинутости, скорбной оставленности миром?

И от черновых набросков, не «заготавливаемых впрок» для широкого читателя: «Ничто так не даёт понять и ощутить своего одиночества, как когда некому рассказать сон...» – выстраивается осознанный вектор к созданию Учения о смысле и назначении жизни, исключительно для личного потребления.

«Если бы я вела дневник, то каждый день записывала бы одну фразу: «Какая смертная тоска» – и всё!» – отмечает Фаина Раневская... и принимает – уже не в первый раз! – решение уничтожить очередные наброски к мемуарам. («Я скорее дам себя распять, чем напишу книгу «Сама о себе». Не раз начинала вести дневник, но всегда уничтожала написанное...»).

А одиночество... Оно так и остаётся. Как и талант. Развивается, расширяется, захватывает все свободные закутки сознания... но не иссякает с годами.

И определяется Раневской как неизбежный «спутник сла-

вы». Отсюда и недоумённое восклицание, при созерцании очередного изобилия «цветов, записок, писем и открытое» от почитателей – после очередного спектакля: «Как много любви, а в аптеку сходить некому!»

При этом к самой этой «зрительской любви» – она, как минимум, относилась с явной настороженностью. «Любовь зрителя несёт в себе какую-то жестокость», – заявляет Раневская, попутно поясняя: «Однажды после спектакля, когда меня заставили играть «по требованию публики» очень больную, я раз и навсегда возненавидела «свою славу».

Со славой – это понятно. А что с одиночеством? Страдала ли она от него? Возможно. Может, это и стало причиной её тоски, о которой она не раз говорила. (*«Нет болезни мучительнее тоски!»*) Не жалуясь, а именно «проговариваясь невзначай».

Но, думаю, относилась к одиночеству философски, со свойственной мудрой женщине терпимостью. И даже создавала некие обоснования его «необходимости». Например, как вам такое: «Ребёнка с первого класса школы надо учить науке одиночества». Не думаю, что многие педагоги согласятся с данным тезисом Раневской. Юмора или сарказма – тоже как-то не просматривается. Скорее – жизненная позиция, выработанная за долгие годы. Принять, согласиться – это единственное, что ей оставалось.

И всё-таки... Одиночество в толпе, социальное – это ещё можно понять. Таланту трудно найти себя в толпе бездарно-

стей. Но вот семья...

Сейчас можно услышать: «Ну, мол, не красавица же!» Мол, как можно с такими внешними данными надеяться на удачу в супружестве? Крайне спорный тезис. Базируется на том факте, что все известные кинороли Раневской достались ей уже далеко не в юном возрасте. Согласен, «мачеха Золушки» – особых эротических симпатий не вызывает... (Это вообще её «бич», к которому, впрочем, сама актриса относилась сдержанно-философски: «Старая харя не стала моей трагедией – в 22 года я уже гримировалась старухой ...и привыкла, и полюбила старух моих в ролях».)

Но, по воспоминаниям современников, в молодые годы Раневская была хороша собой. Вот оценка одного из критиков: «Очаровательная жгучая брюнетка, одета роскошно и ярко, тонкая фигурка...» Да и творческое амплуа у Раневской той поры звучало соответствующе: «героиня-кокетт». Для не особо сведущих в нюансах театральных терминов: так называли соперницу главной героини – традиционно скромной красавицы и умницы, положительной во всех отношениях. Её визави – конечно же, должна являть собой воплощённые хитрость и коварство... но и не меньшую красоту, привлекательность. А лучше превосходить «правильную героиню» – в яркости подачи себя, скажем, в броской фееричности... А иначе – где интрига? Как заставить главного героя – красавца без страха и упрёка – обратить на себя внимание? ...Но настоящий герой Раневской, если и возникал, то

как-то не оттуда... и явно как-то «не туда». И приносил лишь горечь разочарования.

То первое в жизни свидание омрачила коварная, но более удачливая соперница (при полном попустительстве и даже – форменном свинстве «героя»): «Придя на свидание, я застала на указанном месте девочку, которая попросила меня удалиться, так как я уселась на скамью, где свидание у неё. *Вскоре появился и герой, нисколько не смутившийся при виде нас обеих. (...) Каждая из нас долго отстаивала свои права. Потом герой и соперница пошептались. После чего соперница подняла с земли несколько увесистых камней и стала в меня их кидать. Я заплакала и покинула поле боя...*»

Иногда очередной «герой» и сам оказывался ещё тем наглым хряком! Не знаешь – плакать ли или смеяться после такого горестного рассказа Фаины Раневской: «...мне девятнадцать, поступила я в провинциальную труппу – сразу же и влюбилась. Уж такой красавец был! (...) ...однажды вдруг подходит и говорит шикарным своим баритоном: «Деточка, вы ведь возле театра комнату снимаете? Так ждите сегодня вечером: буду к вам в семь часов». Я (...) вина накупила, еды всякой, оделась, нарядилась – жду сижу. В семь нету, в восемь нету, в девятом часу приходит... Пьяный и с бабой! «Деточка, – говорит, – погуляйте где-нибудь пару часиков, дорогая моя!» С тех пор не то что влюбляться – смотреть на них не могу: гады и мерзавцы!»

А то ведь и просто начинала брать за душу такая чёрная

тоска и безнадёга – от грубости и пошлости потенциальных ухажёров... что потом в голове возникали довольно странные депрессивные ассоциации: «Я социальная психопатка. Комсомолка с веслом. Вы меня можете пощупать в метро. Это я там стою, полусклонясь, в купальной шапочке и медных трусиках (...) Меня отполировало такое количество лап, что даже великая проститутка Нана могла бы мне позавидовать».

А в конце концов – наступило неизбежное. И ветры безжалостного времени просто начисто выдули из потенциального «героя» всё его геройство. «Сегодня встретила «первую любовь». Шамкает вставными челюстями, а какая это была прелесть. Мы оба стеснялись нашей старости», – напишет Раневская... и даже читателю станет неловко (и даже – больно) от живописуемой в горьких строках ситуации...

* * *

...Когда выдаётся классическое повествование о славном жизненном пути заслуженного «имярек» – принято начинать с формальной биографии. Ну, традиция такая – что поделаешь? Может, психоаналитикам такой подход и кажется необходимым... Возможно, и биографам-любителям из библиотечных коллекторов – такой удобный штамп тоже на руку.

Хотя трудно представить, что именно детские пережива-

ния и всякого рода комплексы так уж непререкаемо, «железобетонно» довлеют над всей будущей жизнью. Как вариант – могут определять отдельные моменты, добавлять некоторые оттенки в пёструю жизненную палитру, оттенять обертонами насыщенную симфонию судьбы.

Но густо закрашивать грядущее какой-либо одной доминантной краской? Едва ли... И всё же, пусть и с некоторым опозданием, но последуем выверенному рецепту, рассмотрев сухую биографическую хронику.

Известная актриса театра и кино, автор популярных афоризмов и мемуаров Фаина Георгиевна Раневская родилась в провинциальном Таганроге, в позапрошлом веке (1896 год). При рождении – имела совсем другое «ФИО»: Фанни Гиршевна Фельдман. С началом актёрской карьеры – сменила «сразу всё» на более привычное для слуха. Почему? Вопрос риторический.

Тут разве что к месту привести пример её коллеги по комическому жанру – актёра Семёна Фарады. Тот в метрике изначально записывался как «Семён Львович Фердман». Ну, а дальше – сухая цитата из вездесущей «Википедии»: «В 1971 году в титрах фильма «Вперёд, гвардейцы!», где Семён сыграл роль пионервожатого, решено было поменять «неблагозвучную», по мнению руководства картины, фамилию «Фердман» – на псевдоним «Фарада». Позже он официально сменил свою настоящую фамилию в гражданском паспорте и в других личных документах на фамилию Фарада».

Можно долго обсуждать, что же есть такое это «благозвучие-неблагозвучие», но факт остаётся фактом – многие деятели искусства обрели прописку в анналах Истории исключительно под литературными или артистическими псевдонимами, заменившими реальные родовые фамилии.

Дальше – снова «википедийская» цитата: «На момент рождения Фаины её отец, почётный член Ведомства учреждений Императрицы Марии, был владельцем фабрики сухих и масляных красок, нескольких домов, магазина строительных материалов и парохода «Святой Николай». Можно добавить: «купец первой гильдии, крупный мануфактурщик, староста Таганрогской хоральной синагоги, основатель приюта для престарелых евреев... и прочая, и прочая, и прочая...»

Собственно, о детстве – особо и нечего рассказать. Разве что отдельные воспоминания Раневской – как ранние судьбоносные всполохи, что в будущем будут влиять на её жизненный путь: «Актрисой себя почувствовала в пятилетнем возрасте. Умер маленький братик, я жалела его, день плакала. И всё-таки отодвинула занавеску на зеркале – посмотреть, какая я в слезах». Или ещё такое: «Играть, представлять кого-либо из людей, мне знакомых, я стала лет с пяти и часто бывала наказана за эти показы...»

Деньги в семье есть, потому – хорошее домашнее воспитание: приходящие учителя обучали музыке, пению, иностранным языкам. Когда Фае исполнилось 14 лет – она начала за-

ниматься в частной театральной студии Говберга, играть в любительских спектаклях. Тогда её родные воспринимали театральные увлечения дочери – как безобидные подростковые увлечения. Но увлечение – переросло в страсть. Девочка всерьёз захотела посвятить себя театру.

А ведь состоятельная семья, уважаемый отец... То, что дочь стала грезить о сценической карьере, – явно не одобрялось. Как справедливо отмечают многие исследователи, во времена имперского величия дореволюционной России профессия «актриски» считалась лишь чуть-чуть поприличнее, чем куртизанки в борделе.

В возрасте 19 лет Фая Фельдман уезжает в Москву, практически порывая отношения с семьёй. Мать будущей Великой Актрисы ещё какое-то время, до эмиграции в Прагу из охваченной революционными беспорядками России, в тайне от мужа помогала дочери денежными переводами. Впрочем, недолго.

Бедствующая в постреволюционной Москве Раневская попробовала попросить помощи у одного из приятелей своего отца. Тот ответил весьма изысканно, чтобы не обижать юное творческое дарование: «...дать дочери Фельдмана мало – я не могу. А много – у меня уже нет...» Так что апеллировать к достатку семьи – не получалось. Приходилось надеяться только на себя. Благо, что Москва принесла не только финансовые стеснения, но и порадовала новыми знакомствами: с Мариной Цветаевой, Осипом Мандельштамом, Влади-

миром Маяковским, Василием Качаловым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.